

УДК 342.5

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ОРГАНАМИ
ДОЗНАНИЯ, СЛЕДСТВИЯ, СУДАМИ, МЕСТАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
ЗАКЛЮЧЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЯ ЗАДЕРЖАННЫХ ЛИЦ: ОПЫТ
ПРОКУРАТУРЫ КРЫМСКОЙ АССР (1920 - 1930-е ГОДЫ)**

Хаяли Р. И.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы организации прокурорского надзора за органами дознания, следствия, судами, местами предварительного заключения и содержания задержанных лиц в Крымской АССР. Анализируются различные факторы, определившие систему и практику прокурорского надзора по данному направлению. Сделан вывод, что прокурорский надзор обеспечил соблюдение законности и правопорядка в республике.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, органы дознания и следствия, суды.

Одним из важных направлений в работе прокуратуры республики был надзор за органами, осуществляющими дознание и следствие. В поле зрения прокуратуры также находилась работа ревтрибуналов, судов и мест заключения.

В процессе советского национально-государственного строительства в Крымской АССР главной задачей правоохранительных органов также была борьба с лицами, уклоняющимися от призыва в армию и случаями дезертирства, а также с бандитизмом, охватившим как города, так и сельскую местность. На заседании КрымЦИК 9 ноября 1922 года было принято решение о создании при ревтрибуналах чрезвычайных сессий и троек в Симферополе и Севастополе. В частности, Симферопольскую тройку возглавил В. Ибраимов. Решения чрезвычайных троек считались окончательными и обжалованию не подлежали [1, л. 61].

В Симферополе «рассадником» бандитского и уголовного элемента являлся городской рынок. На основании протокола Чрезвычайной сессии от 8 ноября 1922 года, под руководством председателя КрымЦИК В. Ибраимова принимается постановление об организации облав. В связи с этим прокурору республики было направлено прошение о том, чтобы все дела по уголовным преступлениям были изъяты из ведения нарсудов, органов следствия и дознания с последующей передачей в срочном порядке для рассмотрения на Чрезвычайной сессии. Прокуратура приняла по данному вопросу соответствующее распоряжение [2, л. 85].

При Главном суде Крымской АССР прокурорский надзор осуществлял помощник прокурора республики Кобленц, проводивший ревизию следственных участков. В его компетенцию также входило выявление нарушений, учет, ведение и рассмотрение уголовных дел в судах. На основе действующего законодательства по всем выявленным нарушениям он давал указания по их устранению.

В силу различных факторов при рассмотрении уголовных дел «волокита на всех стадиях» была обычным явлением. Термин эпохи «залежь дел» в органах дознания, следствия и в судах ярко отражает сложившееся положение дел. В связи с этим на

заседании Крымского областного комитета РКП(б) 10 января 1923 года было рекомендовано прокурору республики обратить особое внимание на более быстрое ведение предварительного следствия, соблюдение сроков судопроизводства, особенно по делам иностранноподданных [3, л. 19].

Несмотря на трудности в течение первых лет своей деятельности органам прокуратуры удалось организовать надзор как в центре, так и в округах республики за органами дознания, следствия, судебными органами и местами заключения. В задачи окружных прокуроров входило осуществление прокурорского надзора в округе и представление ежеквартального отчета по установленной форме. При этом прокурорам в округах прокуратура республики систематически рекомендовала принять меры по улучшению прокурорского надзора по данному направлению.

В 1923 году был «налажен» прокурорский надзор за уголовным розыском и милицией, а также усилен надзор за деятельностью должностных лиц. На качество работы органов прокуратуры в системе НКЮ Крымской АССР существенное влияние оказывала господствующая идеология. В этом плане классическим примером может служить обращение заместителя НКЮ старшего помощника прокурора республики Гурова, направленное 29 сентября 1924 года всем районным прокурорам и уполномоченным Главного суда республики с грифом «совершенно секретно», в котором указывалось, что целью и задачами органов прокуратуры является приближение советского аппарата и особенно суда на основе директив партии к трудящимся массам. Всем прокурорам рекомендовалось усилить надзор за судами, которые не рассматривали в установленные сроки дела, и трудящие были вынуждены по несколько месяцев, а то и до полугода ждать решение судебных инстанций. Также прокурорам рекомендовалось в кратчайшие сроки организовать надзор и к январю 1925 года ликвидировать «залежь дел в судах» республики. Главный лозунг момента, в соответствии с классовой политикой: «К 1 января 1925 года – ни одного лишнего дела в производстве Народного суда, которое могло бы влиять на приближение суда к трудящимся» [4, л. 231 – 231 об.].

В работе прокуратуры в 1924 году наиболее резонансным делом было обращение Красного Креста Германии через германское посольство в Наркомат иностранных дел СССР по судебному решению Крымсуда, вынесенному по искам предприятий Хлебопродукт и Губакторг. На основании данного решения имущество Красного Креста Германии было продано с торгов. Причем при продаже, как считала обратившаяся сторона, были допущены процессуальные нарушения – не была составлена оценка продаваемого имущества, отсутствовал акт продажи. Учитывая, что такие действия могли оказать негативное влияние на отношения с Германией, прокуратура РСФСР за подписью прокурора республики Д.И. Курского потребовала от прокуратуры Крымской АССР проверить и выслать заключение, с последующим направлением его в Наркомат иностранных дел СССР и соответственно в посольство Германии. Речь шла о медицинском оборудовании, рентгеновском аппарате, которые были завезены в Крым Красным Крестом Германии в период голода 1921–1923 годов для медицинского обследования и обслуживания немецкого населения. По данному обращению прокуратурой Крымской АССР была осуществлена проверка, о чем было доложено прокурору РСФСР. В частности, за подписью временно исполняющего обязанности прокурора Крымской ССР А. М. Гурова сообщалось,

что «жалоба Германского Красного Креста является необоснованной» [5, л. 338, 390–390 об.].

Правопонимание и правоприменение в 1920-е годы, основанные на революционной законности, имели классовую специфику и направленность. Это видно на примере циркуляра наркома НКЮ и прокурора Крымской АССР районным прокурорам и уполномоченным Главного суда республики от 29 сентября 1924 года. В документе отмечалось, что по имеющимся данным в ряде районов и главным образом горном, где бандитизм имел высокую организованность в период голода 1921-1922 годов и где по призыву советской власти крестьянское население приняло активное участие в его ликвидации, ныне на местах против них судебными органами возбуждены преследования. К участникам ликвидации бандитизма в качестве меры пресечения избирается содержание под стражей. НКЮ, считая подобные действия со стороны судебных органов не соответствующими нынешней обстановке, НКЮ и Главсуд предложили все дела, имеющиеся в производствах народных судов и народных следователей по членам судебных комиссий, созданных до 1 января 1923 года, дальнейшим производством приостановить и направить прокурору республики. Там, где по данным делам были произведены аресты, и обвиняемые содержатся под стражей, меру пресечения немедленно заменить, запретив этим лицам выезд из пределов Крыма [6, л. 33].

В действительности по мере установления советской власти на полуострове, в условиях голода и разрухи, роста бандитизма в 1921-1923 годах отсутствовали возможности создать в короткие сроки судебную систему. Поэтому Крымревком, для рассмотрения дел, связанных с воровством, грабежами, с учетом, что в них войдут бедняки, санкционировал создание судебных комиссий в селах. Однако практика показала, что в эти «суды» вошли, как правило, представители зажиточного элемента, что привело к массовому произволу.

Со временем политика властей в отношении судебных комиссий изменилась. Они были ликвидированы. В конце 1920-х годов и особенно в 1930-е годы в связи с самосудами над беднотой, имевшими место в 1921-1922 годах, ОГПУ Крыма, а затем НКВД провели массовые аресты лиц, главным образом из кулацкого элемента, квалифицируя действия обвиняемых по ст. 58-8 УК РСФСР. Дела указанных лиц направлялись во внесудебном порядке на рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ. Действия «самосудчиков» судебные органы стали квалифицировать по ст. 136 УК РСФСР с передачей в суд в общем порядке.

В период организации прокурорского надзора в республике, ввиду отсутствия опыта, отдельные прокуроры при осуществлении прокурорского надзора превышали свои полномочия. Так, в 1925 году один из районных прокуроров усмотрел в работе районного суда недостаточную подготовку в осуществлении судебных функций. Мнение прокурора было необоснованным. В связи с этим заместителем НКЮ старшим помощником Прокурора Крымской АССР Алешиним было принято решение: по всем возникающим вопросам необходимо изучить работу работников судебно-следственных органов и прокуратуры, а в случае разногласий информировать об этом НКЮ для дачи разъяснений и указаний [7, л. 8].

Организация прокуратуры и прокурорского надзора в республике проходили одновременно с созданием органов милиции, уголовного розыска, ОГПУ, между которыми возникали определенные трения, как на районном, так и на республикан-

ском уровнях. Перед прокуратурой встала задача координации деятельности этих органов, особенно в части борьбы с преступностью. В связи с этим в 1925 году участковым прокурорам были даны следующие указания. Каждый объявленный розыск необходимо было осуществлять с санкции местного прокурора, которая дается при наличии мотивированного постановления с кратким содержанием преступления. Орган дознания, в обязанностях которого лежала розыскная функция, получив отдельное требование о розыске, прежде чем приступить к розыску, был обязан получить разрешение от районного прокурора. Повестки органами суда и дознания разыскиваемым лицам необходимо было посылать строго через прокурора [8, л. 46].

В исследуемый период внимание общественности было привлечено к уголовному делу по обвинению лиц, участников бандитского движения в годы Гражданской войны. По делу банды Шнейдера, которое рассматривалось Главным судом Крымской АССР, обвинялось двадцать шесть человек. Участники банды в 1919 – 1920-е годы совершили особо тяжкие уголовные преступления в отношении гражданского населения, занимаясь грабежами, разбоем и убийствами. В частности, при белых бандиты расстреляли пять и повесили на трамвайных столбах Симферополя восемь членов Мусульманского бюро Крымского областного комитета РКП(б) и подпольной организации РКСМ. В суд из различных районов полуострова было вызвано около ста свидетелей, пострадавших от действий бандитов. Крымский обком партии дважды подтвердил необходимость применения высшей меры наказания в отношении главаря Фердинанда Шнейдера.

Действия преступной группы были квалифицированы по ст. 64 УК РСФСР. Однако в ходе судебного разбирательства возникли процессуальные трудности. Суд встал перед препятствием в виде примечания 2 к ст. 33 УК РСФСР. То есть с момента совершения преступления прошло 5 лет, и, соответственно, истек срок давности уголовного преследования. В связи с этим заместитель прокурора республики Г. П. Плинокос и прокурор, поддерживающий обвинение при Уголовной судебной коллегии Главного суда Крымской АССР Филиппов, 20 ноября 1925 года обратились с письмом в адрес заместителя НКЮ РСФСР Н.В. Крыленко, в котором просили согласовать указанный вопрос с надлежащими органами и «в срочном порядке поставить нас в известность... дабы избежать отмены приговора, что произведет неблагоприятное впечатление на общественное мнение рабочих и крестьянских масс Крыма, в памяти которых еще живы все кровавые события данного периода» [9, л. 2–2 об.].

Приговором Главного суда Крымской АССР 10 ноября 1925 года главарь банды Фердинанд Шнейдер был приговорен к расстрелу. Верховным судом РСФСР приговор был оставлен в силе, с заменой 10 годами ИТЛ со строгой изоляцией и с конфискацией имущества за контрреволюционные деяния. На различные сроки были осуждены и другие участники банды.

24 ноября 1927 года комиссия при Крымизоляторе, в связи с десятой годовщиной Октябрьской революции, рассмотрела вопрос о применении к Ф. Шнейдеру амнистии. Решение комиссии было однозначным – «не применять амнистии в отношении Ф. Шнейдера». Это постановление осужденным было обжаловано в НКЮ РСФСР, где ему также было отказано. Однако 6 марта 1928 года рабочая комиссия при Крымизоляторе, ввиду отбытия половины срока наказания, решила вынести

амнистию в отношении Ф. Шнейдера, одновременно сняв дополнительные виды наказания (строгую изоляцию). 16 марта 1928 года он был переведен в средний разряд, а именно на работу в сельхозколонию. По данному вопросу 25 июня 1928 года прокурор при Главном суде республики Бажин доложил заместителю НКЮ Крымской АССР старшему помощнику Алешину [10, л. 11]. Решение комиссии при Крымизоляторе было отменено прокуратурой республики. Также были приостановлены неправомерные действия должностных лиц в отношении других членов банды – Рейнгольда и Альберта Шнейдеров.

На прокурорский надзор в уголовном процессе негативно влияла, словами эпохи, «кампанейщина», связанная с внутренними и международными политическими событиями. В качестве примера можно привести предложение прокурора Джанкойского района Кузнецова, который в 1927 году на одном из совещаний правоохранительных органов предложил в деле борьбы с преступностью, учитывая международное положение, «вести дела в боевом порядке и передавать их во внесудебном порядке». На это отреагировал старший помощник прокурора Крымской АССР Алешин, потребовавший разъяснение [11, л. 10]. Вместе с тем прокурорам, участвующим в уголовном процессе, рекомендовалось обратить пристальное внимание на качество выступлений в судах, особенно в выездных сессиях, а также регулярное ознакомление с делами.

Во второй половине 1920-х годов значительная работа была проведена в прокуратуре Ялты. Если говорить о городских прокуратурах республики прокуратура в этом курортном городе была создана одной из последних. Учитывая, что в городе был высокий уровень детской беспризорности и преступности, прокуратура первостепенное значение уделила осуществлению надзора за работой комиссий по делам несовершеннолетних. В связи с этим значительно был усилен надзор за работой органов милиции. Также особое внимание было обращено на укрепление дисциплины в её рядах, и на правовую подготовку работников милиции. Прокуратуре города также была поставлена задача – завершить работу по формированию института общественных обвинителей с общим составом рабочих не менее 50% [12, л. 28].

В начале 1930-х годов качество прокурорского надзора значительно улучшилось. В это время, исходя из указаний, прокуроры на местах один раз в месяц производили проверку следственных дел, находящихся в производстве, а также органов милиции, должным образом составляя акт проверки. В акте обязательно указывались статья обвиняемого, сроки расследования и причины задержки, имеются ли по делу арестованные. Копии актов представлялись вышестоящим прокурорам с месячным статистическим отчетом.

Важным направлением прокурорского надзора были места предварительного заключения и содержания задержанных лиц. Подход в организации прокурорского надзора осуществлялся на классовых принципах. В целом при арестах правоохранительным органам рекомендовалось не лишать свободы лиц до суда. Так, рабочих, не имеющих имущества, необходимо было отпускать под поручительство профсоюза или коллектива. Крестьян рекомендовалось отпускать под залог или имущественное поручительство отдельных лиц или сельских общин. Лиц, принадлежащих к классу буржуазии, нужно было отпускать до судебного разбирательства под денежный залог, который исчислялся в золоте и подлежал внесению банкнотами, либо облигациями в сбербанк и непременно от имени обвиняемого. Залог или имущественное

поручительство не должны были быть ниже суммы гражданского иска и судебных издержек.

В соответствии с инструктивным письмом прокурора Крымской АССР Г. П. Плинокоса 13 января 1931 года, в целях повышения организации прокурорского надзора, всем районным и городским прокурорам, предписывалось в своей повседневной работе по руководству следствием осуществлять надзор за тем, чтобы расследование уголовных дел проводилось с фактическими обстоятельствами дела, решительным образом пресекая случаи неправомерного вмешательства в ход следствия различных организаций и лиц. С этой целью прокурорам рекомендовалось периодически созывать ежемесячные производственные совещания следователей уголовного розыска и милиции. Районным прокурорам необходимо было усилить надзор по вопросу возвращения дел судами на дознание, а также за сроками дознания и следствия. Руководство наблюдения за следственными органами прокуратура должна была осуществлять путем подачи письменных указаний [13, л. 98-99].

В 1920-е годы прокурорский надзор за местами лишения свободы имел существенные недоработки. Прокуроры, ответственные за данное направление, не всегда имели возможность обследовать лагеря и положение заключенных. Вместе с тем по результатам имеющихся проверок прокурорами были выявлены такие характерные нарушения норм ИТК РСФСР 1924 года: проживание осужденных с нарушением норм жилищной площади, скученность, некачественное питание и медико-санитарное обеспечение, неблагоприятное состояние помещений, что приводило к недовольству, а порой и неорганизованным выступлениям осужденных.

Осуществляя прокурорский надзор за местами лишения свободы, работники прокуратуры отмечали наличие голодовок со стороны заключенных, нарушение сроков содержания отдельных лиц, отбывающих наказание. Также в местах лишения свободы необходимо было поднять трудовую дисциплину, не допускать побегов заключенных, ликвидировать наличие огнестрельного оружия и колющих средств [14, л. 75].

В 1930-е годы прокурорский надзор в данной отрасли был выведен на новый качественный уровень. Прокуроры, в соответствии с действующим законодательством (не реже двенадцати раз в году), ежемесячно проверяли места предварительного заключения и содержания задержанных лиц. Например, в 1931 году, в результате проверок мест лишения свободы, прокуратурой было обнаружено всего лишь шесть лиц, содержащихся под стражей свыше двух месяцев без предъявления обвинения [15, л. 12-15].

В соответствии с решением коллегии НКЮ Крымской АССР от 22 декабря 1930 года на городских и районных прокуроров было возложено общее руководство всеми органами юстиции, в том числе и народными судами. Одновременно прокуроры были предупреждены о том, что их руководство не должно превращаться во вмешательство в оперативную работу судов [16, л. 17].

На основании циркуляра Народного комиссара НКЮ РСФСР №14с от 27 апреля 1931 года прокурорам автономных республик в условиях обострения классовой борьбы вменялось применение такого вида наказания, как высшая мера социальной защиты. Также НКЮ РСФСР рекомендовал всем судам и прокурорам к неуклонному исполнению следующего: полностью изжить вынесение необоснованных приговоров и искусственное отягчение приговоров; высшую меру социальной защиты

применять в исключительных случаях; районным прокурорам по делам указанных категорий обвинительные заключения пересылать в областную прокуратуру; облпрокурорам установить жесткий контроль за сроками прохождения обвинительных заключений райпрокуроров в облпрокуратуры (в течение 24 часов) [17, л. 24].

Следует обратить внимание на то, что по закону «О судеустройстве СССР» 1938 года прокуроры района, города, области, края, автономной республики были лишены права выносить протесты на судебное решение, вступившее в законную силу, приостановив при этом исполнение приговора. Этим правом обладали Прокурор СССР и прокурор союзной республики [18. С. 104-105]. Вместе с тем, как отмечалось в Приказе Народного комиссара НКЮ и Прокурора СССР №77/1251 от 19 сентября 1938 года, «Закон о судеустройстве» не освобождает районных, окружных и областных, краевых и прокуроров АССР от наблюдения за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями. Прокуроры всех уровней имели право на вынесенный приговор, обращение или определение, вступившее в законную силу, проверить эти данные путем истребования дела [19, л. 11-11 об.].

1 декабря 1938 года принимается постановление, которым запрещались аресты лиц без санкции прокурора. Также были ужесточены требования к прокурорам при выдаче санкций на арест граждан по решению НКВД [20, с. 51]. Это соответствовало принципам Конституции СССР 1936 года, в частности статье 127, в которой закреплялась норма: «Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора».

Таким образом, организация прокурорского надзора в республике за органами дознания, следствия, судами, местами предварительного заключения и содержания задержанных лиц прошли сложный этап от революционной законности с принципами классового подхода к социалистической, с защитой прав и интересов трудящихся.

Список литературы:

- Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 4.
2. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 4.
3. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 9.
4. ГАРК. Ф. Р-1100. Оп. Д. 28.
5. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 30.
6. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 73.
7. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 71.
8. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 66.
9. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 59.
10. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 184.
11. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 129.
12. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 201.
13. ГАРК. Ф. Р-703. Оп. 1. Д. 1.
14. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 51.
15. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 51.
16. ГАРК. Ф. Р-703. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 222.
18. Шифман М. Л. Прокурор в уголовном процессе. М.: Юридическое издательство министерства юстиции СССР. 1948. – 248 с.
19. ГАРК. Ф. Р-703. Оп. 1. Д. 252.

20. Шобухин В. Ю. Прокуратура России: проблемы, тенденции и закономерности развития (историко-правовой аспект): Монография / В. Ю. Шобухин. — Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УМП». 2013. 110 с.

Khayali R. I. Organization of the prosecutor's supervision for the authorities of research, consequences, courts, places of preliminary conclusion and content of detained persons: experience of the prosecutor of the Crimean ASSR (1920 – 1930-S) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 59–66.

The article deals with the organization of prosecutorial oversight of the bodies of inquiry, investigation, courts, places of preliminary detention and the detention of persons in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic. Analyzed various factors that determined the system and practice of prosecutor's supervision in this area. It is concluded that the prosecutor's supervision ensured the observance of law and order in the republic.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, bodies of inquiry and investigation, courts.

Spisok literatury:

1. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (dalee – GARK), f. R-1110. Op. 1. D. 4.
2. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 4.
3. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 9.
4. GARK. F. R-1100. Op. D. 28.
5. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 30.
6. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 73.
7. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 71.
8. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 66.
9. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 59.
10. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 184.
11. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 129.
12. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 201.
13. GARK. F. R-703. Op. 1. D. 1.
14. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 51.
15. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 51.
16. GARK. F. R-703. Op. 1. D. 1.
17. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 222.
18. SHifman M. L. Prokuror v ugovolnom processe. M.: YUridicheskoe izdatel'stvo ministerstva yusticii SSSR. 1948. – 248 s.
19. GARK. F. R-703. Op. 1. D. 252.
20. SHobuhin V. YU. Prokuratura Rossii: problemy, tendencii i zakonomernosti razvitiya (istoriko-pravovoj aspekt): Monografiya / V. YU. SHobuhin. — Ekaterinburg: ООО «Izdatel'stvo UMC UMP». 2013. 110 s.